

— Да не я это, ты вообще о чём думаешь? — Фэн Чжоу округлил глаза, глядя на него с чистейшим изумлением.

Юй Шаочунь в ответ изобразил крайнее недоумение:

— А на кой чёрт ты тогда строчишь любовные письма нашей училке по музыке, если она тебе не нравится?

— Какое ещё любовное письмо?

— Обыкновенное. Любовное.

— Да когда я вообще писал подобные глупости?

Шаочунь, не моргнув глазом, принялся декламировать наизусть:

— «Дорогая Ван Сяовэнь! Я — вода, вы — натрий...»

— Хватит! — Фэн Чжоу с глухим стуком опустил ладонь на стол. — Откуда ты вообще это взял?

Оборвав тираду, он со странным выражением лица уставился на одноклассника:

— Ты копался в моём рюкзаке?

— И в мыслях не было, — Шаочунь шутливо вскинул обе руки вверх, будто сдаваясь. — Бумажка сама выпала из твоего рюкзака. Я её просто поднял.

— И из-за этого клочка бумаги ты решил, что я сохну по учительнице музыки?

— А иначе зачем его писать? От нечего делать, что ли?

— Ты серьёзно думаешь, что этот бред написал я?

— Знаешь, — Шаочунь заглянул ему в глаза с предельно честным, доверительным видом и кивнул, — очень даже в твоём духе. Твой неповторимый авторский почерк.

Сестра Ма как раз вышла из кухни. Заметив их воинственный настрой и готовые скреститься невидимые шпаги, она без лишних слов легонько шлёпнула Шаочуня по макушке:

— Опять за своё? Не смей задирать одноклассника!

— Да кто кого тут ещё задирает? — Шаочунь обиженно потёр затылок.

— Будто не видно! — фыркнула женщина. — Мальчик такой тихий, вежливый, сразу видно — приличный ребёнок. А на тебя посмотри: куртка нараспашку, на голове вечный творческий беспорядок... Кто поверит, что ты паинька?

— Да что не так с моей курткой? — Шаочунь оттянул оранжевый воротник, пытаясь отстоять свою правоту. — Яркий цвет нынче не в моде? Молодёжь должна одеваться сочно, броско, чтобы жизнь была ключом! В чём я не прав?

Фэн Чжоу, потягивая кофе, наблюдал за этой перепалкой и в конце концов не выдержал — прыснул от смеха, тут же поперхнувшись. Напиток попал не в то горло. Шаочунь только потянулся, чтобы похлопать его по спине, как сестра Ма уже коршуном метнулась вперёд, нежно воркуя:

— Ох, бедняжка! Ну как же так, поперхнулся кофе... Пей медленнее, никто ведь не торопит.

— Сестра Ма, — протянул Шаочунь, ревниво скрестив руки на груди, — со стороны посмотреть, так он твой родной сын, а не я. Столько заботы!

Она лишь закатила глаза:

— Что, приревновал? С твоим паршивым характером тебя только баловать, как же.

Она ухватила Шаочуня за рукав, утащила за барную стойку и заговорщически сунула ему в ладонь два билета в кино со скидкой:

— Держи. Своди парня развеяться.

Шаочунь вытаращил глаза и понизил голос до шёпота:

— Сестра Ма, ты чего удумала?

Она многозначительно подмигнула:

— Не упускай шанс, пока молодой. Надо ловить момент и...

— Тормози, — Шаочунь сделал жест «тайм-аут». — Давай без этого твоего сводничества.

Она ткнула его пальцем в плечо:

— Да у тебя вкусы настолько специфические, что с твоей разборчивостью ты до старости один куковать будешь!

— Даже если мои вкусы, как ты выразилась, специфические, это не значит, что надо бросаться на первого встречного, — Шаочунь обречённо вздохнул. — Не порть жизнь человеку, он прямой как рельс.

Она настойчиво впинула билеты ему в руку, не слушая возражений:

— Ой, всё. Мне эти контрамарки даром не нужны, забирай и идите.

Шаочунь ленивой походкой вернулся к столику и, оперевшись руками на столешницу, заглянул Фэн Чжоу в лицо:

— В кино пойдёшь?

Тот оторвал взгляд от чашки и недоумённо изогнул бровь:

— А?

— Сестре Ма подкинули пару билетов со скидкой, ей без надобности, вот она мне и отдала, — небрежно пояснил Шаочунь. — К тому же мне жутко интересно, что там за драма разыгралась между старинной Танем и нашей училкой по музыке. На ходу как раз расскажешь.

Кинотеатр располагался этажом выше, прямо над кафе «Тут котики». Возле терминалов самообслуживания уже толпился народ, шурша билетами и предвкушая зрелище. Шаочунь мазнул взглядом по экрану с расписанием сеансов и повернулся к спутнику:

— Что смотреть будем?

— Без разницы.

— А можно без этой банальщины?

— Да мне правда всё равно.

Шаочунь хмыкнул, кивнул каким-то своим мыслям и скрылся у терминала. Спустя минуту он вернулся и протянул Фэн Чжоу один из билетов:

— Держи крепче.

Фэн Чжоу скользнул взглядом по строчке:

— «Довод»?

— Тот самый фильм, от которого у людей, по слухам, плавится мозг, — ухмыльнулся Шаочунь.

— Прошлый раз я ходил на него с мелкой сестрой, так она отрубилась уже на десятой минуте. Но ты у нас гений, должен разобраться, верно?

— Если ты его уже видел, зачем идти второй раз?

Шаочунь пожал плечами с самым беспечным видом:

— Деньги есть — почему бы и нет? Хочу и смотрю.

— А если честно?

— Да я засыпаю на фильмах без дубляжа, — признался он без тени смущения. — В прошлый раз мы с сестрой спали на пару, синхронно.

«Ну и великое достижение», — мысленно хмыкнул Фэн Чжоу.

Они взяли билеты в зал IMAX. Оказавшись внутри, Фэн Чжоу уставился на исполинский экран и, сообразив, во сколько Шаочуню обошёлся этот жест щедрости, невольно выпрямил спину и сел по-струнке. Тот же, напротив, растёкся по креслу, закинул голову на подголовник и прикрыл глаза. Его веки уже начали предательски смыкаться.

— Ты что, реально спать собрался?

— Это непреодолимые обстоятельства непреодолимой силы, — Шаочунь прикрыл рот ладонью, подавляя зевоту. — Я даже на аудировании по английскому умудряюсь отрубиться.

Перед началом сеанса Шаочунь пугал его запредельной сложностью сюжета, и Фэн Чжоу думал, что тот преувеличивает. Однако уже через десять минут после начала парень сидел с полным непониманием на лице.

С места в карьер — перестрелка, взрывы, хаос.

Это ещё кто? А этот откуда взялся?

Фэн Чжоу ткнул соседа локтем в бок. Тот приоткрыл один глаз и лениво повернул к нему голову:

— Чего тебе?

— Это кто вообще такой?

— Лица не различаешь? — Шаочунь поудобнее устроился в кресле. — Какое совпадение, у меня на иностранцев та же беда. Все на одно лицо.

Его патологическая сонливость при звуках английской речи была старой семейной драмой. Отец нанимал ему кучу репетиторов-носителей языка, но все они терпели фиаско — Шаочунь просто засыпал под их мерное бормотание. Вот и сейчас сон навалился на него тяжёлой плитой. Но стоило ему сомкнуть веки, как в бок снова прилетел настойчивый тычок.

— Опять? Ну что ещё?

— Они хотят использовать обратную энтропию для перемещения назад во времени?

— Ну да, вроде того.

— Но позволь...

Шаочунь вздохнул, прекрасно понимая, куда клонит этот научный разум:

— Человеческое тело тоже состоит из элементарных частиц.

— Но ведь энтропия всегда возрастает. Это закон, — Фэн Чжоу нахмурился, переваривая информацию.

— Всё верно. В замкнутой системе энтропия отражает количество бесполезной энергии, — Шаочунь нехотя принял вертикальное положение. — Общая энергия равна сумме полезной и бесполезной. И эта общая величина во Вселенной постоянна.

— Полезная энергия истощается, бесполезная копится. Когда полезная иссякнет полностью, наступит тепловая смерть Вселенной, — кивнул Фэн Чжоу, развивая мысль. — Значит, эта их «обратная энтропия» — попытка спасти мир от неизбежного коллапса?

— В каком-то смысле, — Шаочунь покровительственно похлопал его по плечу. — Логика

железная, вывод верный. Только вот с первопричиной ты немного промахнулся.

Фэн Чжоу открыл было рот, чтобы поспорить, но тут в спинку его кресла прилетел ощутимый пинок. Они оба обернулись. Сидящий сзади зритель сверлил их яростным взглядом, прижав указательный палец к губам.

Шаочунь шёпотом извинился перед недовольным соседом и легонько ткнул Фэн Чжоу кулаком под рёбра:

— Всё из-за тебя. Нашёл место, где устраивать симпозиум по теоретической физике.

— Это называется научной пытливостью ума, — без тени смущения парировал Фэн Чжоу, тоже переходя на шёпот.

— Хватит занудствовать, ты просто зануда обыкновенный.

— Ты проявляешь дискриминацию по отношению к людям науки.

— Люди науки не ищут строгую научность в голливудских блокбастерах.

Сзади снова недовольно стукнули по креслу, и парням пришлось замолчать, уткнувшись в экран.

Благодаря бесконечным расспросам Фэн Чжоу, Шаочунь умудрился не проспать два часа и не пустить на ветер приличную сумму за билет. Он сладко потянулся, встал и медленно побрёл к выходу вместе с хлынувшей толпой. Фэн Чжоу же, руководствуясь принципом «уплачено за всё», упрямо досидел до конца финальных титров. Выйдя наконец в ярко освещённый холл, он огляделся в поисках Шаочуня, как вдруг яркий блик резанул его по глазам.

Чуть впереди, у самого выхода, шёл мужчина, придерживая под локоть спутницу. Плотный, слегка оплывший силуэт, а на пальце — массивная, вульгарная золотая печатка. Именно она так настырно отразила свет потолочных ламп.

Это же...

Фэн Чжоу прищурился, пытаясь рассмотреть лицо мужчины, но не успел: на плечо легла тяжёлая ладонь, вырвав его из задумчивости.

— Кого высматриваешь?

Он недовольно повёл плечом:

— Напугал. Ты чего творишь?

Шаочунь сунул ему в руки запотевший стакан колы:

— Да вот, вернулся за тобой. На, держи.

— Не буду я это пить, — Фэн Чжоу попытался вернуть стакан обратно. — В газировке полно ортофосфорной кислоты. Избыток фосфатов вымывает кальций, что ведёт к остеопору...

Шаочунь бесцеремонно заткнул ему рот трубочкой:

— Да пей ты уже, умник.

Фэн Чжоу волей-неволей сделал глоток. Сладкая шипучая влага приятно обожгла рецепторы, и он вынужден был признать: на вкус это чертовски хорошо.

— Чэнь Сы проболтался, что ты в жизни колы не пробовал, — Шаочунь попытался по привычке погрызть кончик трубочки, но, обнаружив, что она бумажная и быстро размокает, с досадой оставил эту затею. — Ну ты и лишил себя удовольствий.

— Моя мама — врач, — оправдываясь, буркнул Фэн Чжоу. — Дома с питанием строго. Мне с детства любые лимонады были под запретом.

Шаочунь авторитетно погрозил пальцем:

— Запоминай: кола, бургеры, картошка фри, а ещё острый хотпот, шашлыки и чай с пенкой — это столпы первородного человеческого счастья. В следующий раз свожу тебя на нормальный перекус, сразу забудешь дорогу к своей здоровой еде.

— Ловлю на слове, — Фэн Чжоу невольно улыбнулся. — И когда этот «следующий раз»?

Шаочунь удивлённо приподнял брови:

— Наш отличник Фэн только что пошутил? Неужели мне не чудится?

Не дожидаясь ответа, он бесцеремонно сгрёб Фэн Чжоу за плечи, притягивая к себе:

— Раз уж мы теперь такие кореша, давай договоримся: завязывай со своей вежливой холодностью. Понял меня?

Игнорируя вялые попытки Фэн Чжоу высвободиться из-под его локтя, Шаочунь упрямо тащил его вперёд, из-за чего они оба забавно виляли по тротуару. Он лениво крутил головой, разглядывая пёстрые витрины уличных торговцев, и продолжал философствовать:

— Вот если бы я мог с помощью этой вашей обратной энтропии отмотать время назад, прямо к десятому классу... Клянусь, я бы в первый же день подошёл к тебе и предложил перемирие. Столько нервных клеток сберёг бы, глядишь, и прожил бы дольше.

Фэн Чжоу тихо фыркнул:

— Вообще-то, это наш «вечный второй» вечно лез на рожон и искал со мной ссоры.

— Ой, помолчи, — отмахнулся Шаочунь от шпильки. — А сам-то? Если бы у тебя была возможность повернуть время вспять, что бы ты изменил? Спас бы мир с помощью физики и химии?

— Я...

Фэн Чжоу опустил взгляд на тёмный асфальт под ногами и глухо произнёс:

— Наверное, я бы просто предпочёл вообще не рождаться.

Не успело эхо его слов затихнуть, как в спину отличника прилетел увесистый шлепок.

— Ты чего это мелешь? А ну сплунь три раза! Что за упаднические бредни?

Фэн Чжоу нахмурился, потирая ушибленное место:

— С каких пор ты стал таким суеверным?

Шаочунь растерял всю свою напускную весёлость и совершенно серьёзно добавил:

— Если бы тебя не существовало, мировая наука лишилась бы будущей яркой звезды.

— Не надо меня идеализировать, — с горькой усмешкой отозвался Фэн Чжоу. — Я обычный зубрила, который наловчился без ошибок щёлкать экзаменационные тесты. До великого учёного мне как до луны пешком.

— Послушай, у тебя что, какая-то глубокая душевная травма? — Шаочунь внезапно остановился и сложил пальцы сердечком перед грудью. — Какие-то призраки прошлого не дают покоя, лишают веры в себя и радости жизни? Если на душе скребут кошки, ты всегда

можешь излить мне душу. Я весь внимание.

— Да иди ты, — без злобы рассмеялся Фэн Чжоу и пихнул его кроссовком. — Драматический актёр погорелого театра.

За шутками и подколами они незаметно добрались до автобусной остановки. Шаочунь поплотнее запахнул воротник куртки, спасаясь от вечерней прохлады:

— Ну всё, бывай. Мне на ту сторону, ловить попутку.

Фэн Чжоу молча кивнул.

Сделав несколько шагов, Шаочунь вдруг обернулся:

— С тебя рассказ про старину Таня и училку музыки! Мы договорились, так что даже не думай слиться.

«Да когда мы успели договориться?» — подумал Фэн Чжоу, но, не желая портить едва установившееся хрупкое перемирие, лишь выдавил тихое:

— Ладно-ладно.

Шаочунь добрёл до перекрёстка. Глянув через плечо на одинокую фигуру Фэн Чжоу, застывшую на посадочной платформе в свете фонарей, он внезапно поднёс ладони к губам рупором и крикнул во весь голос:

— Фэн Чжоу!

Тот вздрогнул от неожиданности и обернулся. Шаочунь вовсю замахал ему рукой и, помня его недавнюю странную фразу, прокричал сквозь шум улицы:

— Жди моего приглашения на хотпот! И чтобы ты к тому времени обязательно...

«...выжил».

Последнее слово безжалостно поглотил тяжёлый рокот подъехавшего к остановке автобуса.

Фэн Чжоу увлекло внутрь волной заходящих пассажиров. Автобус тяжело вздохнул пневматикой, закрыл двери и медленно влился в бесконечную реку вечернего трафика, растворяясь среди сотен габаритных огней.

Остановившись на перекрёстке в ожидании зелёного сигнала светофора, Шаочунь достал из кармана завибрировавший телефон. На экране светилось новое сообщение:

[Черепаша Зенон: Договорились.]

<http://bllate.org/book/19050/1953428>